

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
Социологический институт РАН

Российская ассоциация политической
науки

Российское общество социологов

Санкт-Петербургская ассоциация
социологов

Восемнадцатый Всероссийский семинар «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»

24-26 октября 2019 года

Программа

Санкт-Петербург

2019

Программа семинара

24.10.2019. Четверг

10:00-10:20. «Организационная раскачка»

10:20-10:30. Приветствие

10:30-12:10. Сессия «Легитимационные практики элит»

Ведущий: *Пустовойт Юрий Александрович*

Выступления:

Завершинский Константин Федорович. Феномен «сакрализации/профанации» в практиках политической легитимации современных элит

Карбанинов Николай Иванович. Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления

12:10-12:20. Кофе

12:20-14:40. Сессия «Рекрутование властных групп в России»

Ведущий: *Витковская Татьяна Борисовна*

Выступления:

Тев Денис Борисович. Ключевые чиновники администрации президента: каналы рекрутования и карьера

Покатов Дмитрий Валерьевич. Рекрутование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп

Флягин Артем Михайлович. Как изменился портрет регионального руководителя с 1991 по 2019 г.: социально-профессиональные характеристики глав российских регионов

14:40-15:10. Обед.

15:10-16:50. Сессия «“Крымская весна”: итоги “пятилетки” новой власти»

Ведущий: *Ледяев Валерий Георгиевич*

Выступления:

Зоткин Андрей Алексеевич. 5-летие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России

Быстрова Алла Сергеевна. Пять лет после присоединения к Российской Федерации: что происходит с исполнительной властью в городе федерального значения Севастополе (губернатор и правительство города)

16:50-17:10. Кофе

25.10.2019. Пятница

10:00-11:50. Сессия «Власть в нравственном измерении»

Ведущий: *Покатов Дмитрий Валерьевич*

Выступления:

Мохов Виктор Павлович. Российская элита в этическом цугцванге

Римский Владимир Львович. Справедливость от государства: ожидания и реальность

11:50-12:00. Кофе

12:00-14:00. Сессия «Региональная элита: социальное в политическом»

Ведущий: *Соловьев Александр Иванович*

Выступления:

Дука Александр Владимирович. Новыйnobilitet

Колесник Наталья Владимировна. Политические семьи в структуре российской власти

14:00-14:40. Обед

14:40-16:30. Сессия «Власть и ее оппоненты: теоретические дискуссии и эмпирический анализ»

Ведущий: Завершинский Константин Федорович

Выступления:

Гуторов Владимир Александрович. Интеллектуалы и власть: о некоторых дилеммах современных интерпретаций

Пустовойт Юрий Александрович. «Контрэлита»: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе

16:30-18:30. Сессия «Лидерство и власть: мотивация, активность, эффективность»

Ведущий: Мохов Виктор Павлович

Выступления:

Чирикова Алла Евгеньевна. Муниципальная власть в России: мотивация и лидерство

Ачкасов Валерий Алексеевич. Вклад властей Санкт-Петербурга в реализацию политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов: оценка некоторых результатов деятельности

18:30-21:00. Фуршет

26.10.2019. Суббота.

10:20-12:10. Сессия «Политика в малых городах»

Ведущий: Чирикова Алла Евгеньевна

Выступления:

Витковская Татьяна Борисовна. Политическое пространство промышленных городов: крупный бизнес в локальной политике

Панов Петр Вячеславович. Городские думы малых и средних городов: потенциал автономии в отношениях с главой города (Свердловская область)

12:10-12:20. Кофе

12:20-14:10. Сессия «Политический дискурс»

Ведущий: Зоткин Андрей Алексеевич

Выступления:

Корниенко Алла Владимировна. Современные дискурсивные практики как индикаторы противостояния власти и общества

Швай Андрей Юрьевич. Предвыборный политический дискурс во Франции: визуальные аспекты

14:10-14:40. Обед

14:40-16:30 Сессия «Власть и лидерство: теоретические дискуссии и российские реалии»

Ведущий: Римский Владимир Львович

Выступления:

Ледяев Валерий Георгиевич. Концептуальный анализ власти: современные тенденции

Соловьев Александр Иванович. Гражданские лидеры в политическом пространстве современной России. Субъективные заметки

16:30-16:40. Закрытие семинара

Продолжительность доклада – 25-35 минут,
вопросы и дискуссия по докладу – 20-25 минут.

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРА:

**Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 5-й этаж,
Конференц-зал.**

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Аннотации выступлений участников семинара

В. А. Ачкасов
(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Вклад властей Санкт-Петербурга в реализацию политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов: оценка некоторых результатов деятельности

Санкт-Петербург, как, впрочем, и российская столица находятся сегодня в довольно сложной ситуации, что вызвано, в числе прочего: недостатком опыта работы городских властей с массовым потоком международных мигрантов всех категорий; неопределенностью в распределении функций и полномочий между органами исполнительной власти, работающими с иммигрантами; отсутствием эффективных механизмов интеграции приезжих в общее социальное пространство через НКО, социальные службы и диаспоры; коррупцией в государственных и муниципальных органах власти; отсутствием научного сопровождения и системы профессиональной подготовки специалистов сфере национальной и миграционной политики и т.д.

Не случайно на заседании «Совета по национальным отношениям при Президенте РФ» 31 октября 2016 г. в Астрахани, В. В. Путин признал принципиальным вопрос – «координации органов власти, которые реализуют государственную национальную политику. Их только на федеральном уровне более десяти, - отметил Президент. Плюс структуры в регионах и муниципалитетах. Но взаимодействие между ними подчас крайне низкое, не эффективное, не налажено и постоянное сотрудничество с научными и экспертными организациями».

Президент также предложил определить федеральный орган, который отвечал бы за социальную адаптацию мигрантов: «В настоящее время эта сфера не обеспечена достаточными правовыми, организационными и экономическими инструментами. Необходимо определить федеральный орган, отвечающий за это направление. Нужны и профильные специалисты» (Путин поддержал идею разработки закона о российской нации. Интерфакс. Доступно: <https://www.interfax.ru/russia/535018>). Действительно, отсутствие единого центра миграционной политики и межотраслевой координации в управлении миграционными процессами препятствует реализации принципа комплексности решения задач миграционной политики, который заложен в новой «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы».

В Санкт-Петербурге выстроена целая система органов исполнительной власти, призванная заниматься реализацией этнической и миграционной политики на уровне города. Среди таковых можно выделить: Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга; Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Комитет по социальной политике, Комитет по печати и

взаимодействию со средствами массовой информации. Косвенное отношение к «гармонизации» межэтнических отношений имеют и другие структуры исполнительной власти города. Однако даже экспертам не ясно, какая из этих управлеченческих структур выполняет функции координации этого направления городской политики и насколько эта политика продуктивна.

А. С. Быстрова

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Пять лет после присоединения к Российской Федерации: что происходит с исполнительной властью в городе федерального значения Севастополе (губернатор и правительство города)

С апреля 2014 по октябрь 2019 года городом управляли три губернатора, если не учитывать недолгого периода (с 1 по 14 апреля 2014 года), когда исполнительную власть в городе возглавлял А. М. Чалый, активный деятель «русской весны». За обозначенный период город пережил несколько правительств, состав которых менялся не только в связи с назначением (или избранием) нового главы исполнительной власти. Внутри каждого губернаторского срока состав правительства претерпевал более или менее серьезные изменения. Основания перемен различны – от поиска наиболее профессиональных персон до уголовных преследований.

На всем протяжении губернаторства С. И. Меняйло чиновники, составлявшие правительство Севастополя, по преимуществу принадлежали к возрастной группе 51-60 лет. Молодых (до 40 лет) почти нет. Первое правительство на три четверти состояло из лиц, имевших высшее военное образование и соответствующий жизненный и профессиональный опыт. Затем в составе правительства появились чиновники, имеющие профессиональную подготовку и опыт деятельности в области экономики, финансов и управления, в также права.

Чиновники севастопольской администрации времен губернатора Д. В. Овсянникова совсем иные по своим социально-демографическим и образовательным характеристикам. Мы видим обратную картину: самому главе города на момент назначения всего 39 лет. 2/3 членов правительства моложе 50 лет. Образование членов правительства Овсянникова, в основном, профильное – экономическое, финансовое, управленческое (2/3). Это профессионалы в своей области, имеющие опыт работы в структурах регионального и федерального государственного управления, к тому же прошедшие программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Губернаторство Д. В. Овсянникова закончилось в июле 2019 года. Случившаяся отставка по собственному желанию многими наблюдателями предсказывалась. Как и в случае с отставкой С. И. Меняйло, называются различные причины, при этом выделяется возможно главная – проблемы коммуникации и согласования интересов ветвей власти и групп интересов.

И.о. губернатора Севастополя М. В. Развожаев, как и его предшественник молод (39 лет). Формирование его правительства еще не закончено. Но уже сейчас просматривается тенденция, как и у Овсянникова, на включение в состав правительства профессионалов, хорошо известных самому и.о. губернатора по

прежним местам работы или обучения. Кроме того, отмечается стремление к сотрудничеству с местным лидером «русской весны» А. М. Чалым в формировании исполнительной власти. Прошли немногим более трех месяцев с момента появления Развожаева в Севастополе. За это время в городе избран новый состав органа представительной власти (второй созыв после присоединения Крыма к РФ). В составе правительства появились люди, имеющие заслуги перед Севастополем в присоединении к РФ, соратники Чалого (например, бывший член Совета Федерации РФ от законодательного органа власти города в 2014-2019 гг. О. Л. Тимофеева).

Характерная черта всех правительств, при всех губернаторах – они представляют собой «десант с материка». Но если в правительстве Овсянникова было немало выходцев из администрации Ижевска, то в правительстве Развожаева – это люди, работавшие с ним в руководстве Общероссийского народного фронта (ОНФ), в Министерстве по делам Северного Кавказа.

Анализ биографий и карьер членов правительства при трех главах города показывает, что основным бассейном рекрутования правительственные чиновников служат администрации (органы исполнительной власти) регионального и федерального уровня, а также муниципалитетов. Редко – бывшие депутаты представительных органов власти. При губернаторе Меняйло среди членов правительства было немало бывших менеджеров предприятий и банков. Есть такие чиновники и в правительстве и.о. губернатора Развожаева.

Т. Б. Витковская

(Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь)

Политическое пространство промышленных городов: крупный бизнес в локальной политике

Доклад посвящен формам и стратегиям участия крупных предприятий в городской политике в России. В докладе представлены основные результаты исследования политических ландшафтов ряда уральских промышленных городов. Вариативность включенности предприятий в городскую политику достаточно высока, но можно выделить основные варианты.

1. Два (или более) предприятия представлены в поле публичной политики (представлены главой, чья карьера связана с предприятием, или группой депутатов – работников предприятия). В основе политической активности предприятий лежат интересы их собственников и директората, но местные менеджеры также приобретают собственные интересы, которые успешно реализуют при поддержке главы или депутатов, избранных на условиях лояльности предприятию.

2. Одно предприятие широко представлено в органах местного самоуправления (его представители составляют большинство в депутатском корпусе, занимают высшие муниципальные должности). В подобных случаях менеджмент предприятия фактически определяет политику муниципалитета (кроме тех аспектов, которые контролирует региональная администрация). Интеграция в органы местного самоуправления через электоральные процедуры не обязательна для обретения контроля. Менеджмент предприятий повсеместно использует неформальные практики осуществления контроля за главой или депутатским корпусом.

3. Менеджмент предприятия не взаимодействует с муниципальной администрацией, представители предприятия не занимают посты в органах местного самоуправления. Это означает, что менеджмент предприятия не проявляет интерес к локальной политике (во многих случаях – утратил интерес, но демонстрировал его ранее, в 2000е и 2010е годы). Предприятие сохраняет высокий потенциал влияния на политическую ситуацию в городе, но не реализует его. В такой ситуации в полной мере реализовать свой политический потенциал может глава с исполнительными полномочиями. Как менеджмент предприятия опирается на группу депутатов, в чьей лояльности уверен – работников предприятия (« заводчан »), так и глава – на группу депутатов – сотрудников бюджетных учреждений социальной сферы (« бюджетников »).

В. А. Гуторов
(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Интеллектуалы и власть: о некоторых дилеммах современных интерпретаций

Со второй половины XX века теоретические дискуссии о роли интеллектуалов в политике, независимо от степени интенсивности и многообразия сюжетов, в целом, так или иначе, тяготели к двум основным парадигмам. В рамках первой парадигмы, нередко именуемой «классической», весьма четко обрисованной в знаменитой книге Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов» [Benda 2003], последние обычно рассматриваются как «совокупность мыслящих людей, чей моральный престиж позволяет им бичевать политический реализм государства. Они не имеют ни малейшего призыва к участию во временном исполнении властных полномочий. Но их духовное призвание заставляет их, водрузившись на публичный пьедестал, беспрестанно напоминать государству о требованиях человеческой совести, без которых цивилизация исчезает, и политическая жизнь распадается» [Muller, 2015]. Активное участие различных группировок интеллигенции в политике в эпоху «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы и их «медиакратические претензии» на роль новой элиты, исторически призванной стать «политическим арбитром» в борьбе между государственной бюрократией и «новой буржуазией», до предела интенсифицировали другую парадигму, в свое время концептуально обозначенную в веберовской дилемме - «интеллигенция *во власти и/или при власти*».

На пике «бархатных революций» органическая взаимосвязь между стратегией утверждения местными элитами нового политического дискурса и перспективой реструктуризации посткоммунистического общества была весьма рельефно обрисована венгерскими политологами Г. Конрадом и Й. Селены в проекте «Интеллектуалы и господство в посткоммунистических обществах». Осуществленный ими анализ основывался, прежде всего, на тезисе, согласно которому «в текущем посткоммунистическом транзите интеллигенция, по всей видимости, открыла для себя незабюрократизированную роль. Вместо того, чтобы становится классом, формирующимся вокруг перераспределяющей власти, она осуществляет свою собственную власть в качестве политократии или медиакратии» [Konrad, Szelényi 1991: 354].

В теоретическом плане истоки современной дискуссии восходят к знаменитой книге Алвина Гоулднера «Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса» (1979), в которой он констатировал тенденцию формирования нового социо-экономического порядка и появление «нового класса, состоящего из интеллектуалов и технической интелигенции (не одно и то же), который вступил в борьбу с группой из промышленников и партийных лидеров, уже установившей в обществе контроль над экономикой» [Gouldner 1979:1]. С того времени ситуация значительно изменилась. «Характерный момент в спорах об интеллектуалах, - отмечает А. Санду, - отсутствие у них склонности обращаться к государству и власти. Почти перманентное беспокойство относительно выживания интеллектуала и его способности осуществлять полезную социальную роль – лишнее подтверждение того, как мало внимания обращается на то, что именно интеллектуалы должны решать. Речь идет, прежде всего, о предположительно случайному или естественному разделении интеллектуальной активности и ответственности внутри общества, которые, в свою очередь, объясняют характер распределения культурных ресурсов и доступа к этим ресурсам внутри общества» [Sandhu 2007: 8].

Общая тенденция дискуссии свидетельствует о том, что вместо идеи корпоративной борьбы за власть Гоулднера на передний план выдвигается индивидуалистский тип интеллектуала, расщепляющийся между образами бунтаря-одиночки и индивида, по собственному выбору представляющего определенные интересы в сфере публичной политики [см., например: Said 1994: 12-13]. Таким образом речь идет о сложных и противоречивых связях представителей интеллектуальной элиты с сильными мира сего. В структуре этих связей и взаимодействий ответственность так или иначе будет переплетаться с лояльностью. Естественно, последняя категория неприменима в том случае, когда современные интеллектуалы демонстрируют стремление выражать и защищать интересы управляемых или «угнетенных» [см., например: Bailey, Clarke, Walton 2011: 73-93].

Такая амбивалентная ситуация подробно охарактеризована в работах Пьера Бурдье. Французский социолог рассматривал интеллектуалов как «“культурную аристократию”, стремящуюся оберегать свои титулы культурного нобилитета - свою власть и привилегии - посредством развития идеологии “отличия”. Они представляют собой... “подчиненную фракцию” господствующего класса, выступая в роли подвластных в своих отношениях с теми, кто держит в своих руках экономическую и политическую власть, и все же занимая место внутри господствующего класса. В рамках занимаемой ими ситуативной позиции непредсказуемого равновесия, любые симпатии, которые они могут испытывать по отношению к угнетенным, будут в лучшем случае хрупкими и неопределенными. Как доказывал Бурдье, несмотря на свое восстание против тех, кого они называют “буржуа”, “они остаются лояльными буржуазному порядку, как это можно наблюдать во все кризисные периоды, когда их специфический капитал и их положение внутри социального порядка действительно подвергаются угрозе”» [Intellectuals... 1993: 8; см. также: Judt 2007; Chomsky 2017 passim].

Правота научной позиции Бурдье полностью подтверждается и весьма специфическим характером политического поведения интеллектуалов в посткоммунистических странах в рамках процесса, который некоторые ученые именуют «интеллектуализацией бюрократии» [King, Szelényi 2004: XXXI].

Литература:

1. Bailey M., Clarke B., Walton J. K. Understanding Richard Hoggart: A Pedagogy of Hope. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 219 p.
2. Benda J. 2003. La trahison des clercs. Paris: Editions Grasset. 334 p.
3. Chomsky N. The Responsibility of Intellectuals. N. Y.: The New Press, 2017. 143 p.
4. Engel P. 2012. Les lois de l'esprit. Julien Benda ou la raison. Paris: Ithaque. 275 p.
5. Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class: A Frame of Reference, Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intellectuals and Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1979. 121 pp.
6. Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurais / Ed. by Jeremy Jennings. Hounds mills, Basingstoke; L.: Palgrave Macmillan, 1993. 233 p.
7. Judt T. The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2007. 196 p.
8. King P., Szelényi I. Theories of the New Class: Intellectuals and Power. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2004. 268 p.
9. Konrad Gy., Szelényi I. 1991. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies. - Social Theory for Changing Society. Ed. by P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; N. Y.: Russell Sage Foundation. P. 337-361.
10. Muller J.-M. 2015. La nouvelle trahison des clercs // www.jean-marie-muller.fr (15 septembre)
11. Said E. Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures. N. Y.: Vintage Books, 1994. 121 pp.
12. Sandhu A. Intellectuals and the People. L.: Palgrave Macmillan, 2007. 243 pp.

Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти»

А. В. Дука

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Новый нобилитет

Исследователи развития групп доминирования в западных обществах в эпоху модерна указывают на фундаментальный процесс дифференциации социума, его секторов, функций, приводящий к профессионализации властных групп (М. Вебер). Переход от стратификации к функциональной дифференциации (Н. Луман), характеризующее «современное общество», объективно требует вовлечения индивидов в карьерное выстраивание своей деятельности. Политика становится карьерой, что неминуемо связано с полной занятостью в данной сфере активности, становящейся политическим предпринимательством. В этой области осуществляются различные трансакции, превращающиеся в политический капитал (Д. Гакси). Политическая сфера (поле) становится относительно автономной. Вырабатываются собственные правила и принципы. Деятельность по другим основаниям и непосредственная (не опосредованная политическим, связанным со всеобщим благом, целеполаганием) конвертация в политический капитал экономического, семейного и т.п. может рассматриваться как существенное

нарушение (коррупция, непотизм и проч.). Это, конечно, «принципиальная», идеальная схема. Но она важна для понимания содержания процессов, происходящих в реальной политической жизни.

На региональном уровне, как показали исследования Р. Даля, происходит снижение роли социальных и экономических нотаблей в принятии решений официальных инстанций, а также сокращение их представленности во властных институтах. Роберт Даль использует термины «социальные и экономические нотабли» для обозначения индивидов и семей, принадлежащих к высшему классу, занимающих высшие социальные позиции и регулярно встречающихся (будучи приглашенными) на закрытых мероприятиях, а также членов местного бизнес сообщества. Это согласуется с общим трендом модерной политики. (Однако, надо отметить, что исследование У. Домхоффа демонстрирует, что влияние на принятие решений нобилитетом не снижается.)

Результаты анализа биографий российских региональных политиков показывают, что в отечественных условиях существует обратная тенденция. Уже не один год фиксируется усиливающаяся олигархизация и плутократизация регионального элитного сообщества. Более того, наблюдается передача «по наследству» политических позиций. Наряду с действием такого важного фактора как формальный институциональный дизайн региональных легислатур, ограничивающий професионализацию региональных законодателей, это ведет к социально-политической инволюции. Существенным аспектом данного процесса является деполитизация политической сферы. Учитывая, что последние полтора десятка лет центральные элиты активно выводят за пределы политического представительные органы (как федеральные, так и региональные), можно предположить, что описываемые явления носят системный характер.

Параллельно происходит частичная политизация региональной экономической элиты. Субъективно экономические нотабли стремятся обезопасить свой бизнес и непосредственно влиять на политические решения, избираясь в легислатуры. Объективным следствием такого развития является приобретение властными региональными элитами черт домодерновых групп доминирования со всеми ролевыми особенностями (другой вариант интерпретации – черты «советской» без советской идеологии и социальной политики). Однако такое прямолинейное тотальное инволюционное развитие вряд ли возможно. Тем более, что уже существуют специфические институты и практики современного общества. Отдифференцированность (Н. Луман) застопорилась, «застяла». Скорее всего, можно ожидать усиление административно-бюрократического управления, фрагментации политического поля, усиления значения и значимости региональных экономических лидеров, превращение их в *новый нобилитет* (конечно, надо понимать некоторую условность применения данного термина) и дальнейшей деградации политики. Последнее в немалой степени связано также с ее экономизацией и усилением роли социальных менеджеров. Но всё это до известных пределов.

К. Ф. Завершинский
(факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

**Феномен «сакрализации/профанации» в практиках политической
легитимации современных элит**

В современной социологии политики семантика «сакрального/профанного» так или иначе присутствует в предметной области исследований специфики традиционных и современных политических религий в контексте присутствия «архаических», традиционных форм легитимации власти в «современности». Вместе с тем, сакрализация как практика символической репрезентации правящих элит и легитимации власти посредством отсылки к «трансцендентальным», надличностным основаниям «величия» (Л. Болтански) их лидерства и институтов власти видится вполне «естественной», органичной составляющей современных политических коммуникаций. Посылка К. Шмитта о том, что «понятия, посредством которых описывается государство, являются секуляризованными теологическими понятиями», достаточно очевидно репрезентируется и в современных дискурсивных практиках легитимации демократических режимов как «драматический политический спектакль» (Дж. Александер).

Несмотря на вариативность партикулярных практик «сакрализации/профанации» в процессе политической легитимации /делегитимации позиционирования политических элит, интерес представляют универсальные символические фигуры политической сакрализации, исторические и пространственных модификации которых, определяют специфику и успешность процесса оформления современных политических элит. Символические фигурации «героя», «преступника», «жертвы» и «пророка» (Б. Гизен) в которые «вписываются» и посредством которых репрезентируют себя политические элиты, остаются важным символических основанием современного политического спектакля легитимации/делегитимации властного авторитета. В связи с чем, представляет интерес исследование национальной и региональной специфики подобных базовых «фигураций» «сакрализации/профанации» активности политических элит (их типологизаций) в политическом пространстве современной России.

А. А. Зоткин
**(философский факультет Таврической академии Крымского Федерального
университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)**

**5-летие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую
систему России**

Несмотря на то, что Крым уже 5 лет является составляющей Российской Федерации, актуальными остаются вопросы его дальнейшей интеграции в институциональное поле России в целом и ее социально-политическую систему в частности. В данном контексте Крым представляется как регион, имеющий заметные отличия от других субъектов РФ. Что, в свою очередь, объясняется, прежде всего, объективными причинами, к которым относится 23-летний опыт

пребывания в составе Украины, двигавшейся по иной, существенно отличающейся от российской, траектории развития. Наследием прежнего институционального поля являются, во-первых, инерционно сохраняющиеся модели политической культуры и «опривыченные» политические практики, воплощающиеся в определенную систему, генерирующую алгоритмы политico-управленческого поведения, и, во-вторых, субъекты региональной политической системы, непосредственно выполняющие роль носителей и трансляторов указанных моделей и практик.

Обновление крымских региональных элит идет по двум основным направлениям. Оба из них представляются как проблемные с точки зрения повышения эффективности управляемости в регионе. В структурах исполнительной ветви власти фиксируется интенсивная смена и ротация управленческих кадров разного уровня. Это объясняется как стилем руководства Главы Республики Крым С. Аксенова, так и поставленными со стороны федерального центра задачами выполнения федеральных целевых программ (ФЦП), направленных на развитие региональной инфраструктуры и коммуникаций. При этом в исполнительной власти региона ощущается «кадровый голод» и ограниченность «скамейки запасных» на руководящие должности. Острота этого положения характеризуется фактом анонсирования С. Аксеновым намерения привлекать управленческие кадры из других регионов РФ (Республики Татарстан, Белгородской области и др.). Навыки адаптационных способностей, приобретенные и отточенные крымскими региональными элитами в условиях украинской политической системы, благоприятно оказались на процессах их политической «перестройки» и перехода на новое для них институциональное поле. Вместе с тем, можно предполагать, что способность к быстрой мимикрии имеет поверхностный характер, что обуславливает ее низкую инструментальную эффективность в условиях системного перехода.

Вторым направлением обновления крымских региональных элит является сфера законодательной власти. В ней, в отличие от власти исполнительной, фиксируются низкие темпы обновления персонального состава. Так, по результатам выборов, проведенных в единый день голосования 8 сентября 2019 г., Госсовет Республики Крым обновился всего на треть. Несмотря на высокий уровень организационной и информационной работы, проведенной Крымским избирательным комитетом до и во время выборов, явка на участки голосования составила чуть более 33% от общего количества избирателей. Данный факт объясняется как конфигурацией настроений и установок, превалирующих в крымском региональном сообществе в этот период, так и откровенно слабой работой политических партий по подбору и формированию кадрового резерва кандидатов, их продвижения в информационном пространстве и в непосредственной коммуникации с избирателями. В результате чего крымское региональное сообщество оказалось перед проблемой выбора среди хаотично подобранных и малознакомых для них альтернатив. По результатам голосования по единому республиканскому округу Крымское региональное отделение партии «Единая Россия» получила относительно высокий результат (54,7% голосов избирателей). При этом она показала себя наиболее организованной политической силой на полуострове, поскольку смогла выдвинуть кандидатов по всем одномандатным округам (хотя этот процесс проходил с определенными организационными трудностями, описанными выше). В итоге по всем 25 одномандатным округам в Госсовет Республики Крым прошли кандидаты от «Единой России». Как следствие,

КРО партии «Единая Россия» получила в региональном парламенте 60 депутатских мандатов из 75. Спецификой этого политического сезона в Крыму стало увеличение в Госсовете РК фракции ЛДПР (10 мандатов) и появление фракции КПРФ (5 мандатов).

Процессы обновления региональной элиты Крыма тесно увязаны с вопросами участия граждан в политических процессах в регионе. Одной из проблем в данном комплексе является интеграция крымских татар в институциональное поле России и, в частности, их включенность в социально-политические процессы. Можно говорить о наличии ощущимых расколов внутри крымскотатарского народа, что обуславливается, во-первых, сложным восприятием факта перехода Крыма в состав России и, в связи с этим, выраженным политическим эскализмом и выжидательной позицией. Во-вторых, крымские татары не имеют единой общественной позиции ввиду наличия нескольких центров политического влияния. Ряд крымскотатарских политиков (Р. Бальбек, Р. Ильясов, Э. Гафаров), духовных (Э. Аблаев) и общественных (Ч. Якубов, Э. Умеров) лидеров быстро интегрировались в политическую систему России и приняли новые «правила игры». В то же время функционирование «за Перекопом» (граница Республики Крым с Украиной) организации «Меджлис крымскотатарского народа» (данная организация включена Министерством юстиции РФ в перечень общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в Российской Федерации) и активная деятельность ее лидеров (М. Джемилев, Р. Чубаров) как на территории Украины, так и на международных площадках поддерживают условия, в которых существует альтернативный центр влияния на крымскотатарский народ. Логичным является предположение о постепенном снижении влияния, распространяющегося на крымских татар из центров ближнего и дальнего зарубежья. Это связано не только с организационными трудностями непосредственного доступа указанных неформальных лидеров к своей социальной базе, но и с политикой этноконфессиональных отношений, проводимой Россией в Крыму. Отдельные показатели этой политики были зафиксированы нами в специальном мониторинговом издании. В регионе реализуется ряд широкомасштабных государственных программ, направленных на решение социально-экономических проблем и на национально-культурное и духовное возрождение народов Крыма. На основании этого можно предполагать, что соблюдение такой политики в устойчивом тренде, несомненно, даст позитивные результаты в долгосрочной перспективе*. На данный момент мы можем констатировать сохранение в крымскотатарском сегменте крымского регионального сообщества тенденций политического эскализма, который имел свое проявление и во время проведения единого дня голосования 8 сентября 2019 г.

Одной из важнейших проблем является нерешенный вопрос о признании статуса Крыма как субъекта Российской Федерации. Если со стороны высшего руководства России вопрос статуса полуострова закрыт и не подлежит какому-либо пересмотру, то стороны политических элит ведущих стран западного мира Крым рассматривается как инструмент давления на Россию (что сопровождается избирательным санкционным режимом) и как возможный предмет торга. Несмотря на то, что на «крымский вопрос» у мирового сообщества прослеживается спектр разнообразных точек зрения (даный факт позволяет выдвигать гипотезу о признании Крыма как составляющей РФ де-факто), статус полуострова де-юре вряд

ли может быть признан на международной арене без кардинального переустройства мировой системы.

* Работа выполнена в рамках Мониторинга этноконфессиональной ситуации в полиэтнических регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем в регионах Южного федерального округа (Республика Крым, город федерального значения Севастополь): анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционный отношений в регионах Южного федерального округа (Республика Крым, город федерального значения Севастополь). Опубликована в издании: Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018.

Н. И. Карбанинов

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления

Средневековое государство Волжская Булгария занимает важное место в исторической политике современного Татарстана. Во-первых, потому что булгары, согласно господствующей в Татарстане версии истории, являются одними из предков татарского народа. Во-вторых, Волжская Булгария является первым собственным государством булгар на территории Среднего Поволжья. Ее история преподносится в учебниках по истории Татарстана как «золотой век» и «одна из ярких цивилизаций Европы». Одним из главных достижений является принятие ислама в качестве государственной религии в 922 году. Важно отметить, что история Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в противоречие с исторической политикой современной России. Вероятно, это стало одной из причин «булгаризации» Казани и других городов республики, особенно в 2000-е годы. Так, например, в Казани есть мечеть с названием «Булгар», памятник булгарскому поэту Кул Гали, установленный в парке Тысячелетия, торгово-развлекательные центры и рестораны с названиями булгарских городов – «Биляр», «Сувар-плаза» и т.д. В Елабуге к 1000-летию города был возведен памятник булгарскому эмиру Ибрагиму I (Ибрагиму-градостроителю). При этом в Татарстане нет ни нового памятника, посвященного истории Золотой Орды. Вершиной «булгаризации» стало создание фонда «Возрождение» во главе с первым президентом Минтимером Шаймиевым. Важной составляющей деятельности фонда является реставрация древнего города Болгар, наряду со Свияжском. Несмотря на то, что в Болгаре сохранились только памятники эпохи Золотой Орды, он чаще всего ассоциируется именно с Волжской Булгарией. Таким образом, история Волжской Булгарии важна не только для исторической политики, создаваемыми элитами Татарстана, но и для формирования туристического бренда республики.

Какое место занимает история Волжской Булгарии в массовых представлениях жителей Татарстана? На этот вопрос мы ответим, используя результаты социологического исследования «Войны памяти» и «конвенции памяти»

в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления», проведенного Центром культурных исследований постсоциализма Казанского (Приволжского) федерального университета. В рамках данного проекта (исследование проводилось с сентября 2013 по июнь 2014 года), кроме анализа учебной и научно-популярной литературы, материалов СМИ, интервью с экспертами и простыми жителями Татарстана, был также проведен анкетный опрос 1000 жителей Казани. Отвечая на вопрос «Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас?», 34,3% казанцев и 40% казанцев-татар выбрали вариант «Волжская Булгария». В ответе на вопрос «С какого момента, на ваш взгляд, начинается история Татарстана?», 17,2% казанцев и 18,2% казанцев-татар считают отправной точкой создание Татарской АССР, а 15,7% казанцев, 16,6% казанцев-татар считают началом истории появление Волжской Булгарии. Для 5,6% казанцев, 5,4% казанцев-татар история Татарстана началась после принятия ислама в 922 году. Отвечая на вопрос «Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать золотым веком?», 17,4% казанцев и 17,2% казанцев-татар считают золотым веком в истории Татарстана «настоящее время». Советское время (правление Сталина, Хрущева и Брежнева) выбрали 16,5% казанцев и 16,2% казанцев-татар. 14% казанцев 15,8% казанцев-татар считают золотым веком историю Казанского ханства, 13,2% казанцев, 12,6% казанцев-татар – историю Золотой Орды, и только 5,6 % казанцев, 6,6% казанцев-татар золотым веком считают историю Волжской Булгарии.

Несмотря на то, что многие респонденты испытывают интерес к истории Волжской Булгарии, при ответах на вопросы с эмоциональной оценкой (гордость, стыд, трагичность) большинство опрошенных выбирали, за некоторыми исключениями, события XX века, а история Волжской Булгарии уходила на второй или даже третий план. Так, например, отвечая на вопрос «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?», 31,2% казанцев и 28,4% казанцев-татар выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», 28,9% казанцев и 27,7% казанцев-татар гордятся Универсиадой в Казани 2013 года; принятием ислама в 922 году гордятся 9,3% казанцев и 14,5% казанцев-татар; образованием Волжской Булгарии гордятся 12,4% казанцев и 12,5% казанцев-татар.

В вопросе «Какие события вы считаете самыми трагическими событиями и эпохами в истории Татарстана?» 34,2% казанцев и 32% казанцев-татар считают самой трагической эпохой в истории Татарстана Великую Отечественную войну 1941-1945 годов. Вариант «Монгольское завоевание Волжской Булгарии» выбрали в свою очередь 11,5% казанцев и 13,1% казанцев-татар. Больше всего «не повезло» историческим деятелям Волжской Булгарии. Так, например, отвечая на вопрос «Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана?», Алмуша (правителя, при котором ислам стал государственной религией Волжской Булгарии) назвали 3,1% казанцев и 3,2% казанцев-татар, халифа аль-Муктадира (именно он отправил своих послов в Волжскую Булгарию для официальной передачи ислама) выбрали только 2,3% казанцев и 2% казанцев-татар. Лидирующая тройка исторических деятелей в этом вопросе выглядит следующим образом: 1-е место – Минтимер Шаймиев – 52,1% казанцев и 53,2% казанцев-татар, 2-е место – поэт Муса Джалиль – 26,6% казанцев и 26,7% казанцев-татар и 3-е место – поэт Габдулла Тукай – 19,1% казанцев и 19,3% казанцев-татар. В то же время 30,3% казанцев и 25,6% казанцев-татар просто не знают, кто такой Алмуш, а 31,8% казанцев и 27,6% казанцев-татар не знают халифа аль-Муктадира.

Таким образом, с одной стороны, для большинства жителей Казани история Волжской Булгарии – самая интересная эпоха в истории Татарстана, что является отчасти результатом «булгаризации» в 2000-е годы, с другой – большинство казанцев, в том числе казанцев-татар, не считают эту эпоху золотым веком. Также большинство казанцев испытывают достаточно мало эмоциональных переживаний в связи историей Волжской Булгарии, в отличие от событий XX века.

Н. В. Колесник

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Политические семьи в структуре российской власти

В докладе анализируется феномен «политической семьи». История практически всех стран является примером того, как власть (политическая, экономическая и др.) передается по наследству. Влиятельные семьи активно функционируют, как в условиях монархий, так и в странах со стабильной демократией. Изучение зарубежными исследователями социального происхождения президентов, премьер-министров Европы, Азии, Африки и Латинской Америки фиксируют значимость семейных связей при рекрутировании на элитные позиции и сохраняющиеся преимущества от принадлежности к политической семье.

В докладе ставится вопрос о том, каковы особенности изучения феномена «политической семьи» как некой социальной общности, региональные практики функционирования, возможности применения качественных методов исследования. На основе первичных и вторичных эмпирических данных разрешается проблема того, какую роль играют семейные ресурсы в воспроизводстве позиций политических семей. Рассмотренные кейсы позволяют выявить роль и функции политических семей в структуре региональной власти, определить их социальные характеристики, способы и формы наследования капиталов.

А.В. Корниенко

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Современные дискурсивные практики как индикаторы противостояния власти и общества

В докладе представлен ряд дискурсивных практик наших дней, характерных для дискурса Фейсбука, рассматриваемого сквозь призму извлеченных из него языковых единиц – победителей ежегодно проводимого в России с 2007 г. конкурса «Слово года». Сам конкурс, имеющий международный статус, проводится с целью выявления тех слов, выражений и фраз – уже укорененных в языке, либо появившихся только в истекшем году – которые приобрели в контрольный период общественное звучание, получили общественный резонанс. Именно они, признанные Экспертным советом конкурса его призерами на основании

количественно-качественных критериев отбора, по убеждению экспертов, отражают подлинные умонастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния нашего общества.

Проведенный анализ полного (за 12 лет) массива призеров конкурса позволяет сделать выводы о нескольких сложившихся к настоящему времени тенденциях функционирования фейсбучного дискурса, а именно его отчетливой политизации, критичности по отношению к высказываниям и действиям властей, негативной сверхоценочности, пропитанности элементами языковой игры, направленной на намеренное понижение оценочных смыслов. Кроме того, анализ показал: абсолютное большинство неологизмов-призеров конкурса, возникших как ответная реакция пользователей Фейсбука на управлеченческие решения власти, имеют русские корни и созданы на словообразовательной базе русского языка.

Воплощенные в анализируемом материале дискурсивные практики чрезвычайно многообразны. Самые частые из них – использование оценочной модальности как таковой и выбор наиболее сильных языковых средств выражения оценочности. Широкий сегмент слов года сознательно пронизан насмешкой. В активном ходу и дискурсивные практики, относящиеся к политическому словообразованию. Среди них две самые популярные: первая – паронимическая аттракция, опирающаяся на сходство в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов (ее реализацию находим в таких призерах конкурса, как *здравохоронение, избирательная (кампания), настоящее, Осколково*), вторая – контаминация, базирующаяся на «междусловном наложении», приводящем к созданию лексических гибридов типа *зломенистый, религархия, кривосудие, выборрапиум* и пр. В словах, выражениях и фразах года находит место и прием обманутого ожидания (*наукопомрачение, партия жуликов и воров*), и логическое несоответствие (*вперед в темное прошлое*), и обыгрывание устойчивых фраз (*хотели как лучше, а получилось навсегда*), и оксюморонные сочетания (*Госдуря, вдохновенная пошлость*). Свою лепту в политическую дериватологию вносит игра с фамилиями политиков и других известных лиц (*кадыринг, депардировать*), а также новообразование от выражений и фраз (*крымнаши, ихтамнеты*).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что сегодня Фейсбук, вовлекший в коммуникацию сотни тысяч людей, сталовым средством непрямого диалога сетевого сообщества с властью, обнаруживающего политизацию языка и сетевого дискурса. Диалога публичного, многогранного, насыщенного злободневным содержанием и демонстрирующего отчетливое противостояние определенного сегмента пользователей Фейсбука власти. Язык же, выстроенный по принципу «свой/чужой» и помогающий опознавать социально, поколенчески, территориально чужих, с помощью своих дискурсивных практик зримо высвечивает и имеющийся политико-идеологический раскол.

**В. Г. Ледяев,
(НИУ – Высшая школа экономики, г. Москва)**

Концептуальный анализ власти: современные тенденции

В истории концептуального анализа власти довольно отчетливо прослеживаются несколько основных этапов.

1) Предварительный: от Платона до Гоббса (только отдельные идеи относительно содержания понятия);

2) Ранний: от Гоббса (предложил дефиницию власти и включил понятие в свою концептуальную структуру) до середины 20 века; первые тексты, содержащие объяснения концепта (M. Weber, B. Russell, B. Jouvenel, C. Merriam);

3) классический: с середины 20 века до 1990-х гг. (систематический анализ власти и интенсивные дебаты о правильном (оптимальном) содержании понятия; мейнстрим традиция и альтернативная традиция в понимании власти);

4) Современный: 1990-е гг. – настоящее время. Основные тенденции:
а) концептуальные решения становятся более гибкими;
б) многомерное видение власти;
в) синтез разных подходов;
г) расширение объема понятия и стирание граней между властью и невластью.

Эти тенденции существенно усложняют эмпирический анализ. Они требуют учета большего объема эмпирической информации и специального внимания к тем формам социальной власти, которые скрыты от внешнего наблюдателя; расширение сферы власти и увеличение числа ее форм усложняет их систематизацию и классификацию; более трудной становится интерпретация и сравнение результатов эмпирических исследований, проведенных разными исследователями.

Однако это не может и не должно останавливать дальнейший поиск оптимальных (хотя и по-разному понимаемых) концептуальных схем. Между понятийными конструктами и эмпирическими моделями всегда возникали естественные трения (рассогласования), которые, так или иначе, развивали и концептуальный анализ, и эмпирические исследования. Таков характер научного поиска.

**В. П. Мохов
(Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь)**

Российская элита в этическом цугцванге

1. В последние 2-3 года появилось много фактов, свидетельствующих о крайней степени открытого пренебрежения представителями российской элиты, особенно – высокопоставленными чиновниками, интересами граждан. Они позволяли себе высказывания, которые вызывали массовое общественное обсуждение, волну критики («макарошки», «государство вас не просило рожать» и др.).

2. Эти высказывания – лишь вершина айсберга, в котором скрывается целая система взглядов на мир, социальные отношения, роль власти в российском обществе. Эти взгляды формировались в 1970-1990-е годы, окончательно утвердившись в 2010-е годы.

3. Носители подобных взглядов есть на всех уровнях власти, однако формы высказывания артикуляции носят принципиально различающийся характер. Это обусловлено уровнем культуры заявителей, политической конъюнктурой, тактическими и стратегическими целями, которые ставят перед собой представители.

На федеральном уровне это те, кто позволяет себе высказывания в самом общем виде, их высказывания нужно расшифровывать через цепочку взаимосвязанных силлогизмов, зная предшествующие позиции и общую схему построений (Чубайс, Греф, Кудрин и др.).

На региональном уровне существует две разновидности: «первые» лица и чиновники-руководители «среднего» звена. «Первые» лица, как правило, редко допускают промахи в публичном пространстве. Чиновники среднего звена могут позволить себе говорить «лишнее», высказывая то, что усвоили, понимают и признают, но не понимают границ публичности.

4. Основой «этического айсберга» российской элиты является конфликт между ценностями индустриального общества в его социальной версии (кейнсианская политика западного общества и социалистического общества в СССР в 1930-1980-е годы) и постиндустриального (информационного) в его либеральной версии.

5. Глобализм предполагает ограничение роли государства в защите национального суверенитета; ограничение роли государства в социальной сфере (социальный дарвинизм); усиление роли ТНК; развитие прекариата на основе миграции.

6. Предпосылками этического конфликта в российской элите были: перестройка как акт подчинения СССР глобальным тенденциям и ТНК; привязка к глобальному рынку (сырьевому, ресурсному, политическому, потребительскому); приватизация государственной собственности в СССР как источник появления «незаработанного» капитала; коррупция как источник незаработанных денег и институциональная смазка в условиях незавершенного перехода к рыночной системе; отсутствие воли государства к выработке этических норм в обществе и неготовность элит к работе в обществе «по правилам»; социальная «безмятежность» правящего слоя, не пуганного революциями и социальными бунтами.

7. Сложилась ситуация незавершенности формирования этоса российской элиты. Этот процесс противоречив, этос элиты неустойчив, он «мечется» между, с одной стороны, влиянием глобального рынка, который подрывает патриотизм; с другой стороны, существованием объективных национальных интересов; с третьей стороны, объективной необходимости для российской элиты сохранения источника доходов в лице российских граждан и ресурсной базы страны.

8. Этическое движение в сторону любой из указанных позиций несет для российской элиты огромное количество рисков.

9. Разрешение этического конфликта зависит от трех сторон. Государство может проявить политическую волю по формированию основ этического кодекса для правящего класса. Сам политический класс, если преодолеет внутренний раскол, может сформулировать внутренние правила поведения для себя и

позиционирования себя в обществе. Граждане способны активными действиями подтолкнуть и власть, и элиты для собственного самосохранения придерживаться совместно установленных правил.

Пришло время этического цугцванга, выход из которого в краткосрочной перспективе может обеспечить только государство (консолидация «сверху») или консолидировавшийся бизнес (консолидация «снизу»).

П. В. Панов

(Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь)

Городские думы малых и средних городов: потенциал автономии в отношениях с главой города (Свердловская область)

Реализация политического потенциала городских дум в значительной мере зависит от того, насколько местная легислатура автономна от главы муниципального образования. Если главе удается провести в состав городской думы пул «своих кандидатов», депутатский корпус оказывается подконтрольным главе, и политический потенциал представительного органа МСУ остается не вполне реализованным. В то же время, в политическом поле городов могут быть и другие влиятельные акторы, в первую очередь, бизнес-группы, которые стремятся реализовать свое влияние через присутствие в местной легислатуре. Гипотетически это повышает автономию и политический вес представительного органа МСУ. Исследование взаимоотношений городских дум и глав малых и средних городов Свердловской области позволяет сделать вывод, что в разных социально-экономических контекстах автономность местной легислатуры от главы города имеет разную природу и разные источники, она определяется не одним, а несколькими наборами конstellаций факторов. В моногородах автономия городских дум от главы может стать результатом политической активности градообразующего предприятия. В непромышленных городах – следствием фрагментации локальной элиты и активности малого и среднего бизнеса.

Д. В. Покатов

(Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов)

Рекрутование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп

В докладе анализируются особенности одного из важнейших, в плане формирования качественного состава политической элиты, процесса её рекрутования. Выявляются базовые тенденции данного процесса, как на федеральном, так и региональном уровнях, а также закрепляющиеся формы и практики политического элитного рекрутинга. Автор выделяет и дает характеристику трем базовым этапам политического рекрутинга: I – «формально-свободной циркуляции» (1991-2000 гг.); II – «регулируемой ротации» (2001-2011

гг.); III – «корпоративно-персонократической стабилизации» (2011- н.в.). Рассматривается одна из базовых тенденций, проходящая через все этапы политического элитного рекрутинга и детерминируемая как объективно-политическими условиями, так и социально-психологическими факторами, закрепляющимися типами карьерных практик – переход от формально-свободной циркуляции к во многом формальной смене элитного состава, ротации.

Ю. А. Пустовойт

(Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск)

«Контрэлита»: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе

В этом материале предлагается рассмотреть проблемы отношений между сложившимися «на местах» властными коалициями и различными протестными объединениями. Его эмпирической базой послужили экспертные интервью, наблюдения, анализ итогов голосования и публикаций, отражающих формирование и развитие властных коалиций в сибирских городах (сопоставлялись контрастные случаи Новокузнецка и Новосибирска), дополненных с 2018 года беседами с лидерами и участниками протестных объединений. Можно ли считать оппозицию действующей власти «контрэлитой»? Есть ли у этих групп шанс на занятие ключевых позиций в сложившейся системе управления? Означает ли эта победа смену действующей «повестки дня»?

Исследование местной власти велось в рамках концепции К. Стоуна, где ключевым понятием выступает понятие «городского режима», как «совокупности договоренностей или отношений (формальных и неформальных), с помощью которых осуществляется управление общностью». Каждый режим имеет свою «повестку дня» – набор целей и программ, объединяющий членов коалиции. Соответственно, «контрэлита» в этом подходе представляет собой группу, в первую очередь, с альтернативной повесткой, на основе которой строится привлечение ресурсно обеспеченных субъектов. Столкновение действующей коалиции и оппозиции могут проходить как в институционализированном поле (обычно в ходе очередных избирательных кампаний), так и в области действия неформальных правил (прежде всего, полемика в СМИ) и неопределенных правил (уличные выступления). Основные переменные, отражающие динамику политической борьбы (стабильность, режим, мера недовольства элит, степень идентичности), сформулированы в рамках подхода Дж. Голдстоуна.

Выборы 9 сентября 2019 года показали, что действующая коалиция власти, несмотря на различия интересов, идеологических доктрин и отсутствие организационного единства, способна вырабатывать общую повестку для объединения. Договоренности, достигнутые весной 2018 года, о поддержке губернатором и командой «Единой России» действующего мэра города коммуниста, выигравшего предыдущие выборы, как единый кандидат от оппозиции, А. Локтя были выполнены (50,25% голосов, при явке 20,68 %). Кандидат (координатор штаба Навального) Сергей Бойко набрал 18,56%, далее Евгений Лебедев (ЛДПР- 9,35%), Наталья Пинус (выдвинута РОСом -8,28) и Данияр Сафиулин (Родина- 7,32%). Остальные десять кандидатов набрали менее одного процента каждый. В ходе избирательной компании кандидаты заключали между собой соглашение о честных

правилах борьбы, но с выдвижение единого кандидата от оппозиции не произошло. Хотя три кандидата были выдвинуты партиями, в чьей риторике присутствует тема национализма, на этих выборах общеполитическая и идеологическая тематика не присутствовала. Озвученные проблемы касались города и его будущего.

В городе сформирован городской режим, есть совокупность акторов, придерживающихся единых неформальных правил для реализации общей повестки. На момент исследования режим стабилен, степень недовольства невысокая. Оппозиция режиму представлена двумя группами. Первая включает в себя лиц, стремящихся влиять на конкретные сектора экономики, политиков и бизнесменов. Здесь нет альтернативной «повестки дня», есть некоторый комплекс административно-хозяйственных предложений, под озвучивание которых получено вполне приличное финансирование и поддержка партий с ярко выраженным «антизападным» идеологическим вектором. Вторая объединяет сторонников Навального, либертарианцев и «Яблоко», с их гражданской, антибюрократической повесткой (близкой к протестным романтическим идеалам 68 года). Здесь достаточно сильно выраженная идентичность в организационном ядре, но небольшие финансовые и социальные ресурсы. Предполагаем, что на выборах в Городской совет в 2020 году первая (в большей степени), и вторая (в меньшей) группа увеличат число своих представителей, но не сменят «повестку».

Исследование проводится в рамках поддержанного РФФИ проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-0866

**В. Л. Римский,
(Фонд ИНДЕМ, г. Москва)**

Справедливость от государства: ожидания и реальность

В докладе будут представлены некоторые предварительные результаты социологического исследования справедливости в российском обществе и государстве, которое осуществляется в текущем 2019 году. Исследование было направлено на изучение того, как индивиды в своих социальных практиках распознают справедливость и несправедливость в своей повседневности, в различных типах ситуаций, в которые они попадают, и как в этих ситуациях они пытаются или не пытаются отстаивать справедливость. Эти аспекты справедливости в России пока недостаточно изучены, что определило поисковый характер исследования и особенности его методики. На текущий период в этом социологическом исследовании были проведены: телефонный опрос с открытыми вопросами на небольшой выборке в 200 респондентов (август 2019 года) и 6 фокус-групп в Москве, Санкт-Петербурге и Великих Луках (сентябрь 2019 года).

Социологические исследования справедливости, проведённые Фондом ИНДЕМ в 2012-2015 годах (эти исследования проводились Фондом ИНДЕМ в 2012-2015 годах и включали полуформализованные экспертивные интервью, фокус-группы, а также массовый анкетный опрос граждан по репрезентативной российской выборке), а также ранее проведённые исследования других коллективов показывают, что с одной стороны, большинство российских граждан признаёт справедливость

значимой ценностью, и декларирует её в качестве критерия оценивания практически во всех взаимодействий в обществе и государстве. С другой стороны, то же большинство граждан оценивает установление и поддержание справедливости в социуме как проблему, решение которой им неизвестно. И в силу невозможности решить эту проблему самостоятельно, граждане перекладывают её решение на государство [Римский, 2016а: 132-133].

Исследование справедливости 2019 года подтвердило эти закономерности. Предложения привести примеры ситуаций справедливости или несправедливости почти всегда мотивировали участников фокус-групп описать несправедливости по отношению к ним со стороны незнакомых им лиц или представителей органов власти. И в таких ситуациях участники исследования, как правило, ожидали обеспечения справедливости или избавления от несправедливости только от государства. При этом они нередко не могли конкретно описать, от каких органов государства и каких именно решений они ожидали, чтобы обеспечить справедливость. А собственные решения ситуаций они предлагали исключительно в своих индивидуальных интересах. И когда другие участники фокус-групп начинали им объяснять, что предлагаемое ими решение ситуации будет несправедливо по отношению к другим, участники фокус-групп, предлагавшие для обсуждения свои ситуации, отвечали, что они не знают, какие решения были бы справедливыми.

Участники фокус-групп не были способны дать какие-то советы органам власти по достижению справедливости в своих ситуациях, потому что не никогда не думали о том, как органы власти могли бы это сделать. Но именно от органов власти, от государства в целом, участники фокус-групп ожидали справедливых решений своих ситуаций, хотя одновременно соглашались друг с другом, что в реальности ожидать справедливости от государства не следует. При этом, как было установлено в исследованиях ИС РАН именно те социальные группы граждан, для которых справедливое общество является приоритетом в развитии нашей страны, чаще других ощущают несправедливость общества, в котором живут [О чём мечтают россияне, 2012: 30].

Следовательно, при высокой ценности справедливости общества и государства для большинства российских граждан она остаётся только мечтой, которую ни им самим, ни органам власти неизвестно, как реализовать. Исследование 2019 года дало некоторые значимые подтверждения этой гипотезы.

В 2019 году подтвердилось описанное ещё в исследовании Фонда ИНДЕМ 2012-2015 годов неумение и нежелание граждан договариваться о справедливости за исключением самых простых ситуаций [Римский, 2016б: 7725-7726]. Дискуссии на фокус-группах 2019 года показали неумения и нежелания их участников обсуждать справедливые решения разных ситуаций, вникать в аргументы других и искать возможности согласования своих позиций по справедливости с иными позициями. Поэтому подавляющее большинство российских граждан, даже социально активных, не имеет желаний и не участвует в публичных обсуждениях справедливости в разных сферах. В результате оказывается невозможным сформулировать согласованные позиции граждан в отношении справедливых решений разных общественных проблем, невозможно поэтому представить такие согласованные гражданами их решения органам власти. В такой ситуации органы власти в законах и своих практиках предлагают такие решения общественных проблем, которые оцениваются большинством граждан как несправедливые.

С органами власти граждане не хотят договариваться о справедливости ещё и потому, что российские чиновники неуважительно относятся к гражданам, а по собственной инициативе они справедливости не обеспечивают [Римский, 2016б: 7727-7728]. На фокус-группах 2019 года для снижения уровня несправедливости в обществе и государстве предлагалось менять такое отношение представителей органов власти к гражданам, принципы и практики их деятельности. Но как это можно было бы сделать, участники фокус-групп предложить не могли, а утверждали, что вряд ли вообще изменится отношение к ним органов власти.

Усиливает такую отчуждённость российских граждан от органов власти работа на них представителей элиты - экспертов, профессионалов, специалистов, обеспечивающих принятие управлеченческих решений и новых законов. Ни эксперты, ни чиновники, которые их нанимают, не обсуждают справедливые решения общественных и государственных проблем с гражданами. Не обсуждают они и признаки, критерии справедливости или несправедливости тех или иных ситуаций, которые возникают при попытках решений таких проблем. Причина в том, что эксперты в согласии с чиновниками оценивают граждан скорее как помеху для выработки адекватных и эффективных их решений. А в результате решения общественных и государственных проблем, предлагаемые органами власти, оцениваются гражданами как несправедливые.

Если отнести к элите социальные группы экспертов и чиновников, допущенных к принятию государственных решений, то получается, что в современных российских условиях и общество, и элиты, и государство в целом оказались неспособными снизить уровень несправедливости в нашей стране. Российские граждане живут с ощущениями постоянной и всеобъемлющей несправедливости, а их желания изменений к справедливости в обществе и государстве пока остаются несбыточными мечтами.

Литература:

1. О чём мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации / Руководители исследования М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова. – Москва – 2012. – 181 с. URL: http://www.irasas.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf (дата обращения: 02.10.2019).
2. Римский В.Л. (2016а) Мечты о справедливости и представления о возможностях их реализации в современной России // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 8-9 июня 2016 г. / Под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М., 2016. – С. 128-136. URL: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2016/11/Obraziyi-budushhego.-Sbornik-statey.-E%60lektronnoe-izdanie.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).
3. Римский В.Л. (2016б) Понимания и практики справедливости в российском обществе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург , 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров—Электрон. дан.—М.: Российское общество социологов, 2016. — 10696 С.—(DVD ROM). – С. 7720-7729.

Исследовательский проект № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ

А. И. Соловьев
(факультет государственного управления МГУ, г. Москва)

**Гражданские лидеры в политическом пространстве современной России.
Субъективные заметки.**

Современная стадия развития политического процесса дает все основания для того, чтобы глубже понять перспективы развития публичного сегмента российского общества, в том числе и позиционирования демократически ориентированных гражданских лидеров, их возможностей и способностей аккумулировать требования тех групп населения, которые хотят скорректировать социально-экономический курс правительства, добиться обновления институтов власти.

Новым гражданским лидерам приходится действовать в неблагоприятной институциональной и морально-политической среде, гделастный дизайн является недостаточным для удовлетворения интересов широких социальных групп, а социально-экономические последствия утвердившегося типа власти оказались удручающими с точки зрения распространения бедности и закрепления катастрофических разрывов в уровне жизни различных слоев населения. В то же время меры властей по сохранению политического порядка, создали весьма крепкий фундамент для самовоспроизводства правящего режима, экранирующего любые попытки населения лишить егоальной легитимации за счет легальных и конвенциональных действий. Действенность как прежних, так и новых методов борьбы с несистемными лидерами наглядно подтвердили события лета 2019 г. в Москве и Санкт-Петербурге, продемонстрировавшие непримиримость режима к попыткам нелояльных лиц претендовать на какие-либо позиции во властных структурах.

Поскольку демократическим гражданским лидерам приходится выстраивать свою политическую траекторию в этой общественно-политической атмосфере им, прежде всего, приходится искать ответ на вопрос - пытаться ли переиграть власть в публичном пространстве, используя установленные ею правила, или же отдать предпочтение неконвенциональным методам протеста? Учитывая при этом, что единственным вектором их активности является продвижение по линии формирования представительных институтов (ограниченных не только президентской формой правления, но и очевидными преимуществами органов исполнительной власти). Более того, им следует учесть и то, что сердцевиной действующей власти выступают механизмы принятия государственных решений, в которых решающую роль играют референтные ассоциации (сетевые коалиции) правящего класса, одновременно являющиеся и бенефициарами этой системы распределения ресурсов. Другими словами, новые лидеры должны отчетливо понимать, что пока не будет изменено положение «руководящих» сетевых коалиций (создающих собственные «узлы решений», вынесенные за рамки официальных

структур), никаких существенных изменений в государственном правлении произойти не может. При этом сформировавшаяся система власти (отражающая доминирование определенных кланов, клиентел, парантел в российском истеблишменте) способна с легкостью переносить отставки отдельных – в том числе формально значимых – фигур, игнорируя даже результаты тех выборов, которые не могут поколебать позиции доминирующих сетей.

Поскольку новым демократическим лидерам предстоит действовать в условиях колонизации власти и государственного управления сетевыми ассоциациями правящего класса, то непонимание ими соотношения сетевых коммуникаций референтных группировок элиты со стандартными процедурами представительной демократии не даст им добиться искомого результата (а при определенных обстоятельствах способен даже нанести ущерб интересам стоящих за ними людей).

В этом смысле у новых лидеров существует лишь *два* основных варианта возможных действий: или им нужно включаться в действующие политические механизмы и устанавливать деловые контакты с сетевыми коалициями и ресурсно обеспеченными группами правящей элиты (также заинтересованными в определенных изменениях), или же попытаться сделать действующие «узлы» решений по возможности дисфункциональными (например, за счет информационного освещения активности «сетевых феодалов», создания новых медиа структур, ужесточения гражданского контроля за публичными институтами и особенно судебными органами и т.д.).

Попутно гражданским лидерам следует решить и «технологические» проблемы. Например, сформулировать подлинно политическую программу действий (не сводимую к борьбе с коррупцией, недовольству отдельными решениями властей, кадровым назначениям и аллергическим реакциям на отдельных лиц в действующем правительстве), решить проблему создания каких-то масштабных организационных структур, направленных на встраивание в существующий институциональный дизайн, распределить роли «теоретиков», «организаторов» или «администраторов» протesta (Г.Лассуэлл), снять противоречия формирования «команды» (с ее внутренними связями со специалистами, деловыми коммуникациями с другими фигурами, претендующими на их позиции, особенно, если учесть, что в этих отношениях свою роль играет и глубинная природная каузальность, способная спровоцировать эгоцентричную гражданственность, спроектированную на собственный успех, а не на принципы демократической гражданственности, предлагающей умение конкурировать и искать основания для компромиссов, а не для уничтожения союзников [Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М. Аспект Пресс, 2018. С. 160-161]).

Однако какой бы путь ни избрали новые гражданские лидеры, они неизбежно столкнуться со многими рисками и ограничениями. К примеру, им придется взаимодействовать с элитарными группировками, подверженными страху, как из-за возможных потерь своего положения в верхах, так и из-за контроля спецслужб, действующих в интересах доминирующей группировки. Существенно и то, что гражданским лидерам сегодня практически невозможно добиться хоть какого-то существенного влияния в силовом секторе правящего режима. При этом активизация внутри элитарных трений может обернуться возвышением роли вполне реакционных сил, которые, возможно, находятся на более короткой дистанции по отношению к центрам принятия решений.

И все же наиболее важным фактором, снижающим эффективность действий демократических лидеров, является отсутствие общероссийской ситуации, которая свидетельствовала бы о преддверии массовых протестов. Так что, хотя «верхи уже не могут» осуществлять эффективное управление, массы все еще «не хотят» ввязываться в открытое соревнование с властью.

Можно предположить, что на сегодняшний день в стране возможны *две основные тенденции* в развитии политического процесса, каждая из которых создает для новых гражданских лидеров свои границы и возможности. Первая предполагает продолжение и даже постепенное ужесточение ныне проводимой властями политики (особенно в кризисных для режима точках, в частности, во время ключевых региональных и федеральных выборов), т.е. постепенное капсулирование режима и регулирование отношений власти и общества на основе принудительных инструментов. Рассматривая государство и правящий режим как тождественные структуры, власти и дальше будут противостоять оппозиционным фигурам и настроениям под флагом угрозы «государственному строю» и «национальной безопасности».

Вторая тенденция обусловлена стремлением неудовлетворенных своим положением сегментов (коалиций) правящего класса изменить расклад сил и конфигурацию распределения ресурсов в интересах доминирующих кланов. Что позволит им в той или иной степени опереться на недовольство населения, использовав при этом репутационный капитал новых демократических лидеров в региональном или общегосударственном масштабе. В этом случае для таких политических фигур появляется шанс выйти в широкое публичное политическое пространство. Однако риск такого выхода состоит в том, что им не дадут добраться до рычагов принятия решений, сохраняя их на удаленных позициях от рычагов распределения общественных ресурсов. Другими словами, этих лидеров используют для прикрытия подлинной трансформации правящего режима, при котором ключевые места займут новые группировки правящего класса.

В любом случае можно констатировать, что в условиях, когда правящий режим сохраняет свою, хоть и относительную, устойчивость, новым демократическим лидерам вряд ли удастся изменить систему представительства социальных интересов или добиться существенного обновления политического режима. Их основной путь – это поиск новых конвенциональных технологий (таких как «умное голосование»), способных точечным образом корректировать какие-то параметры правящего режима. Власть в свою очередь сохранит действующий формат выборов (как переназначения проправительственных фигур), продолжит дальнейшую дискредитацию многих государственных институтов и, в конечном счете, углубит гражданский раскол в обществе. Однако позволит сохранить действующий режим и его основные направления деятельности на достаточно продолжительное время. Так что обновление политической системы будет отнесено на следующий исторический этап.

Коротко говоря, с какими бы надеждами определенная (пусть и политически продвинутая) часть гражданского населения не относилась бы к новой генерации лидеров, сегодня они фактически не опасны для действующей власти, которая точечными методами постепенно вытесняет их наиболее опасных представителей на политическую периферию. Так что в ближайшем будущем им надо настроиться на длительную политико-просветительскую работу, сохранив при этом необходимые

морально-этические нормы демократических лидеров, не поддавшись на давление властей и искушение коррупционеров.

Д. Б. Тев

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Ключевые чиновники администрации президента: каналы рекрутования и карьера

В докладе анализируются каналы рекрутования ключевых деятелей АП в 1991-2018 гг. и некоторые особенности их карьеры до и после работы в руководстве этого органа, которые существенно варьируются, как в историческом плане, так и по должностям.

Бюрократическая профессионализация - доминирующая, хотя и неравномерно проявляющаяся тенденция рекрутования и карьеры чиновников АП. Опыт работы в административных структурах, включая саму АП, наиболее распространенный, преобладающий тип профессионального (прежде всего, непосредственного) опыта до назначения на элитные посты в аппарате президента и, в существенно меньшей степени, после ухода с них. Причем весьма интенсивен обмен кадрами между АП и федеральными органами исполнительной власти. В частности, должности в правительстве РФ и АП нередко выступают трамплином для занятия друг для друга, что способствует интеграции правительенной элиты и президентской бюрократии в единую властную элиту.

Выраженной тенденцией рекрутования является милитаризация, причем присутствие выходцев из силовых структур (включая прокуратуру) среди президентской бюрократии было исторически вариативным, начав расти во второй срок Ельцина и достигнув максимума в первый срок Путина и при Медведеве. Назначение силовиков не ограничено должностями, курирующими оборону и безопасность, и, в значительной мере, обусловлено значимостью личных связей и доверительных отношений с главой государства при рекрутировании руководства АП. Деятели АП не только приходят из силовых структур, но и уходят в них сразу после отставки. Такой обмен персоналом может усиливать сплоченность президентской бюрократии и силовой элиты страны.

Роль членства в федеральном парламенте в карьере, как до, так и, особенно, после пребывания на ключевых должностях в АП, сравнительно невелика; меньше, чем у членов правительства РФ. Это неудивительно, учитывая, что президент и его администрация даже формально неподотчетны парламенту, который в нынешней России является довольно слабым и маловлиятельным органом, подконтрольным с 2000-х гг. главе государства. Но на должностях, курирующих связи президента с парламентом, а также внутреннюю политику, присутствие бывших депутатов существенно. Роль парламента как канала рекрутирования чиновников АП была наиболее велика в первый срок Ельцина, а затем снизилась. Что касается работы в легислатуре после ухода с должности, то следует отметить практику перехода некоторых ключевых деятелей АП на посты спикеров палат парламента при Путине

и Медведеве, что можно рассматривать как форму проявления и один из способов контроля главы государства над законодательной властью.

Движение персонала между бизнесом и АП, вероятно, сдерживается относительной малочисленностью в этом органе должностей, ответственных за экономические вопросы. Тем не менее, значительное меньшинство чиновников АП имеют в предшествующей карьере постсоветский опыт работы в коммерческих структурах (правда, в основном, косвенный), причем плутократизация возросла во второй срок Ельцина (что тогда, во многом, отражало сильное политическое влияние «олигархов») и, особенно, при Путине и Медведеве. Более важна роль бизнеса как места работы после ухода из АП, хотя она и не столь значима, как у бывших членов правительства РФ. При этом существенное меньшинство бывших чиновников АП были заняты в крупных фирмах. Востребованность их в бизнесе может усиливаться «кумовским» характером российского капитализма. Переходы чиновников в коммерческие структуры, будучи одним из показателей интеграции экономической и административной элит, могут быть позитивно связаны с дружественной по отношению к бизнесу политикой.

Среди других каналов рекрутования чиновников АП и мест их занятости после отставки - научно-образовательные структуры и СМИ. При этом предшествующий опыт работы в научно-образовательной сфере, хотя и довольно распространен, но, как правило, косвенный. Его присутствие было наиболее широко среди руководства АП в 1990-е гг., что может быть отчасти связано с важной ролью интеллигенции на раннем этапе радикальной трансформации российского общества. Профессиональные компетенции, полученные в ходе научно-педагогической работы, особенно востребованы на некоторых должностях, таких, как советники президента и его представители в органах власти. Что касается опыта работы в СМИ, то он востребован, прежде всего, на должностях, ответственных за коммуникационное и информационное обеспечение деятельности президента, но также и за внутреннюю политику, важную роль в контроле АП над которой играет манипулирование общественным мнением.

В целом, следует отметить, что хотя для большинства деятелей АП ключевой пост в этом органе был вершиной пройденного на момент исследования карьерного пути, во многих случаях указанные чиновники до или после работы в аппарате президента занимали сопоставимые или более значимые позиции в иных структурах, прежде всего, в органах исполнительной власти. Если, в частности, говорить о карьере сотрудников АП после ухода с должности, то чуть более трети из них работали в то или иное время на позициях, позволяющих отнести их к федеральной административной элите, а более половины входили в общенациональную властную элиту в целом (как административную, так и политическую и экономическую). Так что ключевая должность в АП, в значительной мере, служила трамплином к иным высоким позициям. Причем в период правления Путина и Медведева доля персон, которые сразу после отставки с ключевого поста в АП продолжали входить в федеральную властную элиту вообще и административную элиту в частности, возросла, в сравнении с президентством Ельцина. Это говорит об определенной стабилизации членства во властной элите федерального уровня и может быть связано с различными факторами, включая более осторожную, консервативную кадровую политику преемников Ельцина.

А. М. Флягин
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург;
факультет политологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

**Как изменился портрет регионального руководителя с 1991 по 2019 г.:
социально-профессиональные характеристики глав российских регионов.**

Уровень региональной власти современной России, а особенно руководителей её исполнительной ветви, представляется одним из наиболее исследованных объектов в рамках не только отечественной научной мысли, но и у зарубежных авторов. Несмотря на это, комплексных эмпирических исследований корпуса региональных руководителей, которые бы охватывали сравнительно протяжённые отрезки времени не так уж и много. Ввиду того, что региональный уровень власти испытывает на себе не только последствия внутрирегиональных политических процессов, но и влияние со стороны федерального центра, система региональной власти представляет из себя динамичный механизм, изменяющийся под давлением новых условий. Динамичный характер системы региональной власти обуславливает актуальность как новых исследования, так и кросstemпоральных сравнений.

Доклад основывается на исследовании биографий глав российских регионов, которые вступили в свою должность в период с декабря 1991 по 31 июля 2019 г. Всего была собрана информация о 386 позициях глав субъектов. Временно исполняющие обязанности глав не учитывались. В случае если они вступали в должность, то период исполнения ими обязанностей засчитывался как общий стаж нахождения в должности. За указанный период должности глав субъектов занимали 373 человека. Разница между количеством человек и количеством позиций обусловлена вхождением одного и того же человека на должности главы разных субъектов или перерывом в руководстве одним и тем же субъектом.

На основе анализа полученных данных были сделан ряд выводов. Количество женщин-руководителей регионов очень мало. Основным источником рекрутования большинства женщин стали номенклатурные органы: ВЛКСМ, КПСС и исполкомы местного и регионального уровней. Только одна пришла в органы власти уже в современной России из системы школьного образования с поста директора школы. С учётом данных других исследователей о количестве женщин на всех уровнях региональной власти от 6% до 13% делается вывод о несформированности в современной России институциональных механизмов продвижения женщин в органы власти всех уровней и несколько больших возможностях для женщин в советский период.

Отмечается рост родившихся в городах, в том числе рост количества родившихся в Москве и Ленинграде, среди глав субъектов, при одновременном снижении выходцев из сельской местности. Это может являться косвенным свидетельством ухудшения проницаемости каналов вертикальной мобильности населения, когда выходцы из городов и столиц имеют заметно более выгодные условия для занятия высокого положения в обществе, нежели член сельского населения.

Изменяется и образование глав. Происходит переход от подавляющего большинства лиц с инженерным и аграрным образованием, в сторону гуманитарных

профилей. Снижается количество глав с учёными степенями, полученными до начала работы в органах власти.

Анализ источников рекрутования демонстрирует подтверждение теории об отсутствии радикального обновления и воспроизведстве советских элит на региональном этапе, которые в 90-е гг. составляли большинство региональных руководителей. Выявляется тенденция к профессионализации чиновничества и плutoократизации регионального уровня власти за счёт взаимопроникновения по принципу «дверей-вертушек» бизнеса и региональной власти.

Отмечается устойчивая тенденция роста губернаторов «варягов» среди региональных руководителей, что отражает изменения институционального дизайна отношений центр-регионы в пользу большего влияния центра.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-32161 «Социально-демографические характеристики и карьерные траектории глав субъектов Российской Федерации (1991-2019) как индикаторы трансформации российской политической системы»

А. Е. Чирикова

**(Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г.
Москва)**

Муниципальная власть в России: мотивация и лидерство

Размышляя о муниципальной власти в России, современные исследователи, как правило, основные проблемы видят в несовершенстве институтов муниципальной власти, подчеркивая такие их характеристики как инерционность, несовершенство кадрового потенциала, несовершенство законодательства и др. (Н. Петров, Титков 2012, Туровский 2014 и др.).

Проводя эмпирические исследования муниципальной власти на примере 5 малых российских городов в течение последних 5 лет, с использованием метода глубинного интервью, (всего проведено 76 интервью с лидерами власти и бизнеса, региональными экспертами в 2013-2015 гг. и 60 интервью в 2018-2019 гг.) мы вполне определенно можем утверждать – дело не только в несовершенстве властных институтов, но и в мотивации субъектов муниципального уровня, их потенциале лидерства.

Если взглянуть на муниципальную власть глазами регионалов, которые делегируют муниципалам задачи, которые они должны исполнять, то в их восприятии муниципалы предстают не самыми лучшими профессионалами. На это указывают, как наши собственные исследования, (Чирикова, Ледяев 2017) так и работы других российских ученых (Туровский 2012).

В числе недостатков, которые выделяются представителями высшей региональной власти, как правило, называются:

- Излишняя самостоятельность и отсутствие пieteta перед государственной властью
- Неэффективность решений, принимаемых органами местного самоуправления

- Низкий уровень дисциплины в структурах местного самоуправления

Со своей стороны, субъекты местного самоуправления, недовольны вмешательством в свои дела и хотели бы больше самостоятельности.

Насколько оправданы претензии муниципалов? Почему регионалы предпочитают жесткий контроль за муниципальным уровнем, вместо того, чтобы дать им вожделенную свободу? Ответ достаточно прост: уровень доверия регионалов по отношению к муниципалам, как показывают наши эмпирические исследования, относительно низок.

Вот как сложившийся уровень отношений между губернаторской командой и главами городов комментирует один из вице-губернаторов, непосредственно отвечающий за работу с главами местной власти:

- «*Мне говорят: надо дать полную самостоятельность муниципалитетам ... Но оказывается, что муниципалитеты к этому абсолютно не готовы. Они жили при прежнем губернаторе в состоянии жесточайшего контроля. Контролировался каждый их чих. Они воспринимают новую модель управления не как возможность реализоваться, возможность нормально поработать, они считают это нашей слабостью. Приходится с большой регулярностью устраивать порки, выгонять наиболее отличившихся.... Уровень глав, к сожалению, очень разный»*

И далее он продолжает:

- «*Есть либо кормленщики, которые думают о том, как бы поживиться, а Вы потом думайте, как из этой ситуации выбраться, либо иждивенцы, которые думают, что они могут делать что угодно, потому что мы потом их должны вытаскивать...».* (2014 г.)

Действительно ли профессиональные качества глав муниципальных образований столь не соответствуют требованиям эффективности? Так ли низка их мотивация к осуществлению эффективного управления городом? Обладают ли они необходимым лидерским потенциалом или остаются исполнителями всех указаний, поступающих поластной вертикали? Или предъявленные вице-губернатором оценки сознательно или бессознательно искажают реальный образ акторов муниципальной власти?

Эмпирический анализ мотивации глав муниципальных образований и председателей городских дум, проведенный в 2013-2015 гг. и в 2018-2019 гг., позволяет утверждать – дефицит мотивации у лидеров исполнительной и представительной муниципальной власти действительно существует. И обусловлен он не только личностной инертностью, но и структурными особенностями самой муниципальной власти. Приведем высказывания глав муниципальных образований в исследованных городах, которые убедительно показывают, число проблем, решение которых зависит от вышестоящего уровня столь велико, а уровень контроля настолько высок, что это приводит глав к единственно возможному выводу – «не стоит высовыватьсь»:

- «*Да, мы живем в удивительном пространстве, от этого никуда не деться, но наш подход – решать вопросы по мере поступления. И не высовыватьсь. Есть вопросы, на которые мы не можем влиять, поэтому на них и не стоит отвлекаться. Зачем суетиться, рваться, если результата все равно не будет. Когда денег нет, то надежд что-то изменить не остается совсем.* (Глава муниципального образования, 2014 г.)

- Когда по любому поводу приходит "черная палата", а потом прокурор, а потом уголовное дело, все это заставляет триста раз подумать, а надо ли что-то делать? Когда сидишь ничего не делаешь, зарплату получаешь и хорошо, а так что-то сделал, потом тебе будет хуже (Глава муниципального образования, 2015 г.).

В ситуации, когда ограничительные коридоры столь выражены, а профессиональной само мотивации в силу разных причин не возникает, определяющую роль в мотивационной настройке начинает играть губернатор.

Почему именно губернаторское влияние столь велико в мотивационном измерении? Ответ прост. Соглашаясь стать главой города, претендент обязательно договаривается с губернатором, который формулирует для него текущие и перспективные цели, которые должны быть реализованы. Глава формирует свой образ губернатора, который вызывает у него уважение. Чем большим авторитетом пользуется губернатор, тем большее влияние на мотивацию главы он оказывает. Иногда отношение к губернатору кардинальным образом влияет на решение: идти или не идти во власть:

- Я губернатора давно знаю, это сильный человек. Он человек из СССР. Он служит государству. Таких людей сейчас уже нет. Знаете, почему я пошел во власть? Потому что я поверил губернатору. Мне тогда хотелось доказать – я оправдаю его ожидания. ...Если я верю человеку, то я буду с ним. Я вижу его отношение к делу. Вот и все. (Глава муниципального образования, 2014 г.).

- Я очень уважаю губернатора, я вижу, как он себя ломает, я вижу как он бьется... я считаю, что он человек достаточно бескорыстный... И мне просто стыдно его подвести. Мне не хочется, чтобы из-за меня, из-за моей территории, которую он мне доверил, у него были какие-то головные боли. Для меня это главный мотиватор. (Глава города, 2019 г.).

- Губернатор мне очень понравился. Он принял такое неординарное решение, вернув меня во власть. Я понимаю, что это сильный человек, потому что слабый человек на такие решения просто не способен...Мне с ним очень интересно. Мы с ним на одной волне. Мы с ними мыслим одними категориями. Я очень хочу соответствовать его ожиданиям (Глава города, 2018 г.).

Является ли отношение к губернатору единственным мотиватором? Исследование показывает, вторым по значимости мотивом является также желание глав «помочь своему городу и его населению». Подобная мотивация возникает у глав, укорененных в этом городе, тогда как у варягов она отсутствует:

- Я и раньше не позволяла себе делать что-то хуже других. И сейчас я понимаю, я должна выложиться полностью, но сделать все для города. Это во мне не изменилось. Я люблю свой город, я здесь выросла, он мне дорог и я не дам ему скатиться вниз» (Глава города, 2018 г.)

- Я хотел и хочу исправить ситуацию в городе. Проработав год-два я понял: ...мы оказывается можем изменить ситуацию, если сильно захотим. Оказывается, мы можем не только брехаться и стреляться, чем город был славен многие годы, но еще что-то другое делать. Ведь город какое-то время назад считался, чуть ли не преступной столицей. Мы

начинаем привыкать к тому, что мы не умеем действовать. (Глава города, 2019 г.)

Таким образом, позитивная мотивация у глав городов формируется не только из материальных стимулов.

Существует ли у глав негативная мотивация, направленная на извлечение личной выгоды?

Однозначного ответа на этот вопрос не было найдено. Однако оценки локальных элит, относительно ушедших глав, позволяют утверждать, – мотивация, направленная на извлечение личной выгоды имеет место у глав, ушедших со своей должности. По крайней мере в этом случае она озвучивается элитами. Особенно она развита у глав – варягов. Как правило, главы с такой мотивацией, либо оказываются в тюрьме, либо переизбираются, однако утверждать, что все они оказываются за пределами коридоров власти все же нельзя.

Чего сегодня, по мнению локальных элит, не хватает главам малых городов? Прежде всего – лидерских качеств. Оказывается, что лидерских качеств среди глав городов, за редким исключением, либо нет вообще, либо их чрезвычайно мало. Запрос на лидерство, как на способность выходить за границы существующих ограничений, умение продвигать свои идеи в сложных условиях, становится все отчетливее. Сегодня для руководителей города уже недостаточно пиара и самопиара, продуманных телевизионных программ или газетных статей, сегодня требуется реальная работа по консолидации финансов, умение влиять на настроения элиты и общественности, умение действовать, используя не только формальные ресурсы, но и неформальные связи и договоренности, построенные на взаимном доверии. В противном случае, растет недовольство элит и населения. «Больше инициативы на места», – это старый девиз власти, сегодня забытый, но от этого не ставший менее востребованным.

Кларенс Стоун, в своей работе 1995 года писал: «Когда есть трудности – неизбежно формируется запрос на лидерство. У лидеров – есть видение, план, способность вести людей, которые и находятся в центре политики. Именно за счет лидерства – происходят совместные действия людей, возникает креативный процесс, когда получается что-то, чего не было раньше. Лидерство может приостановить углубление кризиса». (Stone 1995)

Сегодня позиция, высказанная Кларенсом Стоуном 25 лет назад, оказывается как никогдаозвучной времени, применительно ко всем уровням власти. Дефицит лидерства – следствие работающей властной вертикали, когда главы городов не просто не хотят, а не могут выйти за рамки предписанных схем действий, оказываясь не лидерами, а исполнителями «указаний сверху».

Исследование выполнено в 2019 году при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31045опн совместно с доктором философских наук, ordinarnym профессором НИУ-ВШЭ, В.Г. Ледяевым

А. Ю. Швай

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург)

Предвыборный политический дискурс во Франции: визуальные аспекты

В данном докладе будет представлена попытка обосновать актуальность анализа визуальных данных в современных исследованиях элит. На примере предвыборных афиш кандидатов в президенты Франции докладчик демонстрирует, что институционализированность формы репрезентаций кандидатов является одной из значимых «поверхностей проявления» эlectorального политического дискурса в этой стране. Так, используя иконографический метод Э. Панофски [Панофски Э. Этюды по иконологии. СПб.: Азбука-классика, 2009], обогащенный теорией речевых жанров М. Бахтина и концептами дискурсивной теории М. Фуко, исследователь прослеживает эволюцию визуальных выразительных средств в предвыборных афишах, их институционализацию и вместе с тем заметную редукцию.

Работая с чётко определенным предметом исследования, докладчик также выделяет реперные точки в эволюции «канона» репрезентации. Эти смысловые моменты позволяют выявить, какие стратегии оказываются наиболее действенными в ситуациях невозможности вписаться в сложившуюся модель визуального дискурса, и вместе с тем, как они конструируют и уплотняют репертуар выразительных средств. Таким образом, удается выявить структурные характеристики этого способа репрезентации. Однако здесь возникает ряд сложностей. Как эта структура соотносится со статусом кандидатов в диспозиции политических сил во Франции? А также допустимо ли выделять предвыборные афиши в качестве независимой области от проникновения других медиа? Оба этих вопроса, до известной степени, о суверенитете выбранного типа визуальных репрезентаций. Отвечая на первый, можно использовать концепцию «культурной автономии» Дж. Александера, в рамках которой социолог акцентирует, что культурное значение может быть рассмотрено через дистанцированное от заданной социальной структуры описание [Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Издательство «Практис», 2013. С.61]. В этом смысле визуальные репрезентации необязательно должны отражать партийную, семейную и иную принадлежность кандидатов, так как строгость отбора выразительных средств свидетельствует о деятельности внутренних структур, находящихся в отношениях контингентности с внешними структурными принципами.

Наконец, в качестве ответа на второй вопрос докладчик с одной стороны использует социально-конструктивистскую логику, в рамках которой сама институционализированность формы репрезентаций кандидатов и их жанровая преемственность (М. Бахтин) позволяют назвать границы предмета исследования достаточно обоснованными. С другой – автономия предвыборных афиш раскрывается концептом «поверхности проявления» дискурса (М. Фуко). Последний позволяет исследовать саму дискурсивную практику: «периферийные пространства символических проекций расположенных в другом месте событий или процессов» [Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 218, 304]. В рамках этой логики исследование внутренней структуры репрезентаций кандидатов на примере предвыборных афиш

позволяет рассмотреть интенсивность и закономерности визуальной дискурсивной практики во французском избирательном политическом контексте.

Список участников
Восемнадцатого Всероссийского семинара «Социологические проблемы
институтов власти в условиях российской трансформации»,
24-26 октября 2019 года, Санкт-Петербург

Ф.И.О.	Город, контакт	Место работы	Степень, звание, должность
Докладчики			
Ачкасов Валерий Алексеевич	С.-Петербург val-achkasov@yandex.ru	Санкт-Петербургский госуд. ун-т, фак-т политологии	Д.полит.н., профессор, зав.кафедрой международных политических процессов
Быстрова Алла Сергеевна	С.-Петербург abc_46@mail.ru	Социологический институт РАН	К.эконом.н., старш.н.сотр. Сектора социологии власти и гражданского общества
Витковская Татьяна Борисовна	Пермь lappanata@gmail.com	Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН	К. полит. н., научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов
Гуторов Владимир Александрович	С.-Петербург gut-50@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.филос.н., профессор, зав. каф. теории и философии политики
Дука Александр Владимирович	С.-Петербург a_duka@mail.ru	Социологический институт РАН; СПбГУ, ф-т политологии	К.полит.н., зав. Сектором социологии власти и гражданского общества; доцент
Завершинский Константин Федорович	С.-Петербург zavershinsky200@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.полит.н., профессор каф. теории и философии политики
Зоткин Андрей Алексеевич	Симферополь and.zotkin@yandex.ru	Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского	К. соц. наук, доцент кафедры социологии философского факультета
Карбанинов Николай Иванович	С.-Петербург nkarbainov@gmail.com	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора истории российской социологии
Колесник Наталья Владимировна	С.-Петербург n.kolesnik@socinst.ru	Социологический институт РАН	К.социолог.н., доцент, ученый секретарь
Корниенко Алла Владимировна	С.-Петербург mmtmpo@mail.ru	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества

Ледяев Валерий Георгиевич	Москва valeri_ledyaev@mail.ru	Нац. исслед. ун-т – Высшая школа экономики	Д.филос.н., профессор кафедры анализа социальных институтов
Мохов Виктор Павлович	Пермь mvperm@gmail.com	Пермский национальный исследовательский политехнический университет	Д.истор.н., профессор, декан гуманитарного факультета
Панов Петр Вячеславович	Пермь petrpanov@yandex.ru	Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН	Д.полит.н., главный науч. сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов
Покатов Дмитрий Валерьевич	Саратов dvpokatov@gmail.com	Саратовский национальный исслед. гос. ун-т им. Н.Г.Чернышевского	Д.соц.н., зав.кафедрой истории, теории и прикладной социологии
Пустовойт Юрий Александрович	Новосибирск pustovoit1963@gmail.com	Сибирский ин-т управления – филиал РАНХиГС	к.полит.н., доцент каф. политических наук и технологий
Римский Владимир Львович	Москва rim@indem.ru, vlim@yandex.ru	Фонд "Информатика для демократии" (ИНДЕМ)	Зав.отделом социологии
Соловьев Александр Иванович	Москва. alesol@mail.ru, alekssol21@gmail.com	Московский государственный университет, ф-т государственного управления	Д.полит.н., проф., зав.каф. политического анализа
Тев Денис Борисович	С.-Петербург denis_tev@mail.ru	Социологический институт РАН	К.социолог.н., старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Флягин Артем Михайлович	С.-Петербург artemflyag@gmail.com	Социологический институт РАН	Младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества
Чирикова Алла Евгеньевна	Москва chirikova_a@mail.ru	Институт социологии РАН	Д.социологич.н., главный научный сотрудник Сектора исследований личности
Швая Андрей Юрьевич	С.-Петербург andrewshvaya@gmail.com	Социологический институт РАН	Младший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества

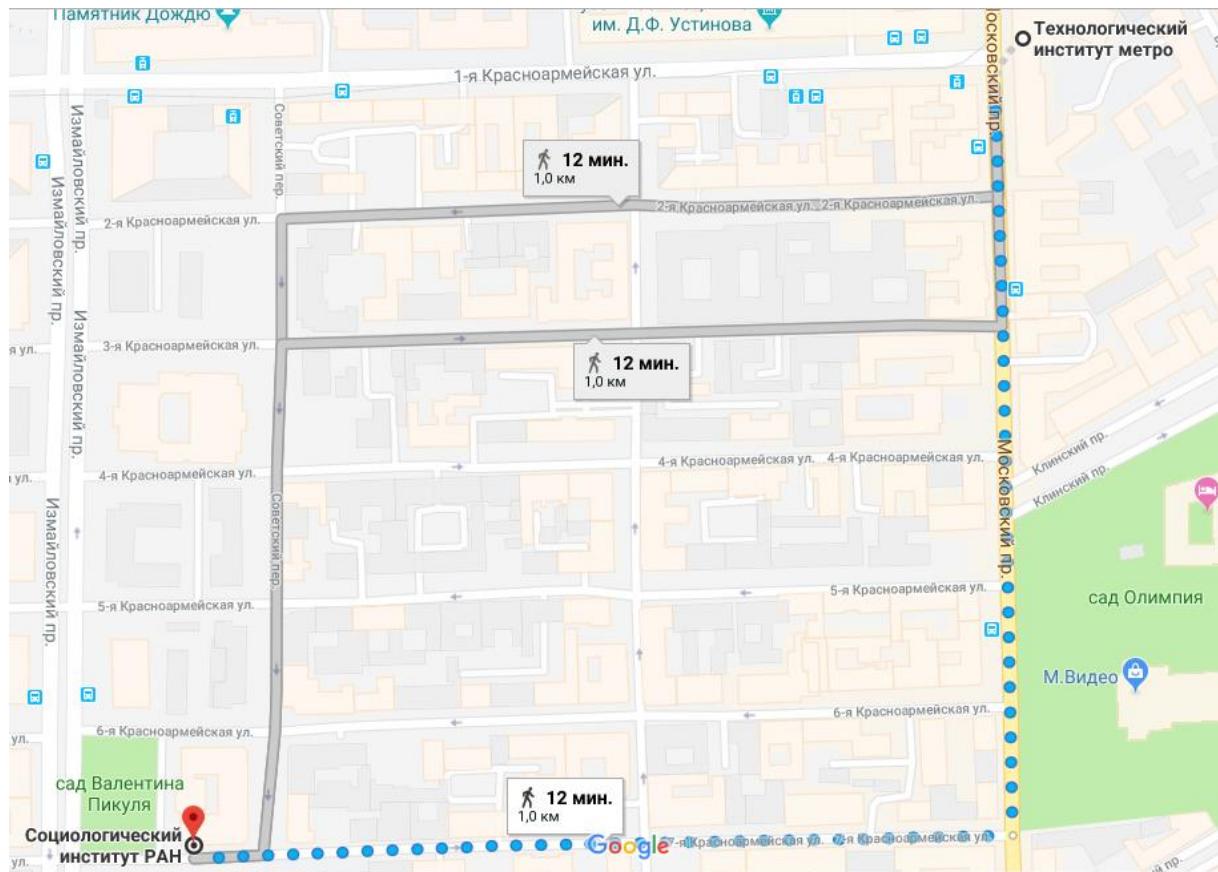
Участники дискуссии			
Белоусов Григорий Федорович	Москва gregory_belousov@mail.ru	Московский государственный университет, ф-т политологии	Специалист по учебно- методической работе кафедры российской политики
Гольбрайх Владимир Беньяминович	С.-Петербург vgolbraih@mail.ru	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Даугавет Александра Борисовна	С.-Петербург a.daugavet@socinst.ru	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Масловский Михаил Валентинович	С.-Петербург maslovski@mail.ru	Социологический институт РАН	доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Сектора истории российской социологии
Невский Андрей Владимирович	С.-Петербург anevskij@yandex.ru	Социологический институт РАН	Младший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Орех Екатерина Александровна	С.-Петербург ek.orech@mail.ru	Санкт- Петербургский государственный университет, ф-т социологии	К.соц.н., доцент кафедры теории и истории социологии
Сафонов Вячеслав Владимирович	С.-Петербург vsafronov@list.ru	Социологический институт РАН	старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Степашев Александр Викторович	С.-Петербург alexander.stepashov@gmail.com	Социологический институт РАН	аспирант, мл.н.с. Сектора социологии власти и гражданского общества

Адрес проведения конференции

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Санкт-Петербург, ул. 7 Красноармейская, дом 25/14, 5 этаж

Станция метро: Технологический институт-1, Технологический институт-2

Как добраться из аэропорта в Санкт-Петербург

Аэропорт «Пулково» - ст. метро «Московская» (общественный транспорт)

- (1) Автобус 39 отправляется каждые 10-20 минут от аэропорта Пулково с 5:22 до 1:36. Стоимость: 40 рублей (наличные, транспортная карта «Подорожник», Pay Pass)
- (2) Автобус 39э (экспресс) отправляется каждые 25-30 минут от аэропорта Пулково с 5:30 до 0:13. Стоимость: 40 рублей (наличные, транспортная карта «Подорожник», Pay Pass)
- (3) Маршрутка К39 отправляется каждые 5 минут с 7:00 до 23:30. Стоимость: 40 рублей (наличные, транспортная карта «Подорожник»)

Стоимость проезда в метрополитене Санкт-Петербурга – 45 рублей (покупка жетона: наличные, карта; турникеты оборудованы проходом с помощью Pay Pass, транспортной карты «Подорожник»). Время работы: большинство станций ≈ с 5:40 до 00:20.

Аэропорт «Пулково» - Санкт-Петербург (такси)

- (1) Uber, вызов через мобильное приложение
- (2) Yandex-такси, вызов через мобильное приложение
- (3) Gett, вызов через мобильное приложение
- (4) «Таксовичкоф», телефон: +7 812 333-00-00
- (5) «Народное такси», телефон: +7 812 401-11-11
- (6) «Везет», телефон: +7 812 318-0-318
- (7) «Петербургское такси 068», телефон: +7 800 550-0-068, +7 812 324-77-77

Цена поездки: от 600 рублей в зависимости от места назначения.